

зиться и Я у тебя до полудня посижу), а также эксплицитная и имплицитная длительность (ср.: *Отступали долго, беспорядочно, но без паники* и то высказывание без эксплицитного показателя длительности *долго*, где длительность действия представлена имплицитно) [1, с. 98–103].

Не имея возможности подробно изложить содержание чрезвычайно информативной главы, посвященной актуальности, лишь перечислим другие аспектуальные ФСП, рассмотренные в [1]: кратность [1, с. 124–152]; фазовость [1, с. 153–180] (автором обоих разделов является В.С. Храковский; параграф “Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов” [1, с. 180–195] написан В.П. Недялковым); перфектность (автор раздела – Ю.С. Маслов).

Следующая глава рассматриваемой монографии посвящена семантической категории временной локализованности (автор – А.В. Бондарко). Данная категория, являющаяся одной из существенных составляющих понятия времени в широком философском смысле и установленная в 30-е гг. Э. Кошмидером, образуется противопоставлением двух значений: конкретности/неконкретности (соответственно определенности/неопределенности) “местоположения действия и ситуации в целом в однонаправленном течении времени”, “прикрепленности” действия к определенному моменту или периоду в противоположность его неограниченной повторяемости, обычности или временной обобщенности [1, с. 210]. Ср. соотношение временной локализованности (Л)/нелокализованности (НЛ) действия, отображаемое выделенными глагольными формами в следующем высказывании: *Князь Андрей пожал плечами и поморщился* (Л), *как морщатся* (НЛ) *любители музыки, услышав фальшивую ноту* (Л. Толстой). Категория временной локализованности представляет собой, следовательно, один из важнейших семантических признаков высказывания, активно изучаемый в настоящее время, в том числе и в терминах теории референции (см. исследования Е.В. Падучевой)⁵.

⁵ При этом проблема счета ситуаций и выделения семантических типов неоднократности (собираательной, мультипликативной, дистрибутивной, итеративной) [1, с. 131–152] тематически пересекается с проблематикой ФСП количественности (см. в [6, с. 219–245] композиционно вряд ли оправдано дополнительное обсуждение И.Б. Долининой вопросов итеративной, мультипликативной и т.п. “глагольной” множественности).

⁶ Авторы коллективных монографий не объединяют вместе все явления, связанные с проблематикой референции имен и высказываний, что связано с тем, что в рамках данной модели ФГ не предполагается выделение группировки ФСП референциальной природы. С введением таких полей и компактным рассмотрением их в одном томе можно было бы значительно “разгрузить” обсуждение собственно номинативных проблем лица, субъектности/объектности и других полей, рассматриваемых в разных томах серии.

В рамках рецензируемой монографии к анализу соотношения Л/НЛ привлекается прежде всего понятие категориальной ситуации (см. выше). А.В. Бондарко разграничивает три типа временной нелокализованности: “простую повторяемость” действия: ...*Пьер то открывал, то закрывал глаза* (Л. Толстой), “обычность (узусальность)”: *Счастливые люди не вызывают во мне зависти...* (Л. Гинзбург) и “временную обобщенность” (“вневременность”, “всевременность”): *Кто не может взять лаской, тот не возьмет и силой* (А. Чехов) [1, с. 217–218]. Каждый из типов временной нелокализованности получает детальное освещение, в конце раздела характеризуется соответствующее ФСП, формируемое видом (для которого в русском языке соотношение Л/НЛ существенно, поскольку глаголы несовершенного вида сочетаются с обоими из рассматриваемых семантических признаков, тогда как глаголы совершенного вида характеризуются преимущественно признаком Л), а также категорией времени, особыми способами глагольного действия и др. [1, с. 226 и сл.].

Заключительная глава первого тома посвящена рассмотрению проблем таксиса. Категория таксиса, выделенная в общих чертах Р. Якобсоном и противопоставленная им категории времени, впервые в [1] подвергается систематическому изучению на материале русского языка с привлечением типологического фона. Развитие, “апробация” на представительном языковом материале русского языка идей, высказанных ранее (порой весьма лаконично, в самом общем виде) – одно из достоинств рецензируемой серии коллективных монографий.

Общая характеристика семантики таксиса и структуры соответствующего ФСП дается А.В. Бондарко [1, с. 234–242, 295–296]. В монографии разграничиваются (см. [1, с. 243–253], автор раздела С.М. Полянский) не только одновременность/разновременность действий, но и “неопределенно-временные отношения при неактуальности различия одновременности/разновременности”: ...*Поматывая подоломи, они ходят с граблями, разгребают и сушат сено, сгребают в копны и накладывают на возы* (И. Соколов-Микитов), и отношения “псевдоодновременности” действий (например, отношения включения, пересечения). Аспектуально-таксисные ситуации, связанные с выражением в высказывании отношений зависящего и независимого таксиса, рассмотрены Т.Г. Акимовой и Н.А. Козинцевой [1, с. 256–294]. В.П. Недялков и Т.А. Отанина рассматривают проблемы таксиса в типологическом ключе, сопоставляя данные русского языка с нивхским – с языком, который был в свое время использован и Р. Якобсоном при выделении категории таксиса [1, с. 296–319].